

Новая Польша 10/2008

0: МИФЫ ВЗРОСЛЫХ О ПОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

— Для взрослых и для молодежи семья — это основа. Такой вывод можно сделать на основе ваших последних исследований. Не преподнесут ли нам молодые люди какой-нибудь сюрприз?

Б.Ф.: Такими мнениями нас буквально убаюкивают! Нельзя верить тому, что это так и есть, потому что похоже. Конечно, есть точки соприкосновения. Скажем, что в жизни каждого самое важное? Семья, но в понимании взрослых — это традиционная семья. А вот для молодежи это могут быть также союзы, не освященные Церковью, свободные связи, даже гомосексуальные. Здесь можно говорить о гораздо большем числе таких различий. Возьмем отношение к спорту: для взрослых это проверенный способ занять так называемое свободное время молодых людей, молодежь же считает спорт одним из важных элементов заботы о теле, ну и здорового образа жизни.

— И что из этого следует?

Б.Ф.: Надо тщательнее обдумывать смысл того, что скрывается за конкретными терминами, иначе они превратятся в пустышки, внутри которых ничего нет. Язык общения между поколениями создает сегодня огромное поле для возникновения непонимания. Если мы, взрослые, считаем, что думаем так же, как молодежь, — а это вовсе не так, — то мы друг друга не поймем. И такой тип непонимания хуже, чем явная разница во мнениях.

— Вы сравнивали то, как думает варшавская молодежь, с мнениями экспертов. А кто они, эти эксперты?

П.З.: Это директора школ, учителя, педагоги, полицейские, работники культурно-просветительных учреждений, сотрудники всевозможных консультаций, соцработники, члены органов самоуправления, журналисты, священники и представители неправительственных организаций. Одним словом, те, кто ежедневно работает с молодежью и принимает решения, касающиеся ее проблем. Мы изучили вопрос о том, кто такие «эксперты по делам молодежи», которые призваны глубоко разбираться в ее нуждах. Нам было важно выяснить, откуда они черпают свои знания.

— Но ведь это ясно — профессиональный опыт.

Б.Ф.: Относительно этого у нас были сомнения. Мы провели опрос, поставив вопрос так: участвовал ли кто-нибудь в течение последних трех лет в программе для молодежи. 72% взрослых ответили положительно. А 90% молодых — отрицательно. Эти результаты нас немало удивили. Может быть, молодые люди и не запомнили проводившихся с ними бесед о безопасности движения, поскольку для них, к сожалению, это вопрос второстепенный. А для взрослых это способ покорить стихию, которая внушает им опасения. Отсюда бесчисленные программы, затрагивающие темы насилия, попадания в алкогольную, нарко- и прочую зависимость, здорового образа жизни и т.д. Взрослые учатся в массовом порядке.

— И что в этом плохого?

П.З.: Тогда мы попросили ответить на вопрос: какие черты взрослого человека больше всего нравятся варшавской молодежи? По мнению экспертов, это коммуникабельность и открытость. Откуда они об этом знают? Из занятий, где им подсказывают такую линию поведения. А среди молодежи ответ этот был менее популярен, разница составила целых 30%. Во взрослом им нравятся прежде всего интеллигентность, знания, ум. На занятиях используется упрощенный вариант психологии, что вредит взаимоотношениям. Приводит к неправильным обобщениям. Служит принципу «разделяй и властвуй»: эти люди такие, а эти — не такие. В результате в программе массовых курсов чаще доминирует идеология, нежели знания. Вырабатывается некий особый язык терапии, лишенный юмора и сдержанности.

— Но открытость, как представляется, никому вреда не причинила.

Б.Ф.: Если она настоящая. Мы спрашивали экспертов, что им помогает, а что мешает в контактах с молодежью. Ответы строятся по одной и той же шизофренической схеме. Помогает «моя открытость, коммуникабельность», мешает их «невоспитанность». Помогает «моя доброжелательность, заботливость», мешает их «неприязнь к

взрослым, бунт». Помогают «мои знания и опыт», мешает «барьер возраста и опыта». Экспертам кажется, что перед ними опасная, хамская, взбунтовавшаяся масса. Тогда как же они могут воспитывать, как могут передавать систему ценностей? Где эта открытость и коммуникабельность?

П.З.: Но есть надежда. Каждый десятый эксперт отмечал, что в общении с молодежью ему помогают ее положительные черты. Это значит, что он увидел партнера. Столько же молодых людей констатировало, что в общении со взрослыми им ничто не мешает.

— *А это много?*

П.З.: Чересчур мало, чтобы воспроизвести модель мира взрослых.

— *По каким вопросам между поколениями возникает пропасть?*

П.З.: Мы посмотрели, каковы авторитеты. По мнению взрослых, авторитетами для молодежи служат священнослужители высокого ранга — предполагается, что это Иоанн Павел II и Бенедикт XVI. Но на них указали лишь 3,5% школьников и 5% студентов. Впрочем, довольно сильная тенденция к секуляризации проявляется в обоих поколениях. Бог и религия важны для 16% взрослых, 8% студентов и 3,5% школьников. И опять — «молодежь должна». Это очередной пример лицемерия. Следующим номером в списке образцов, которым, по мнению взрослых, должно следовать молодое поколение, предлагаются люди, известные из СМИ, хотя среди самой молодежи ими восхищаются лишь 2%.

— *Тогда кто же служит авторитетом?*

Б.Ф.: 42% школьников и 64% студентов ответили: «Я такой личности не знаю». Это значит, что в данный момент молодежи вовсе не требуются авторитеты. Однако такую возможность предполагают лишь 1,8% взрослых. Как можно достичь взаимопонимания с человеком, который считает, что ты просто обязан иметь авторитеты? Он будет тебя всячески доставать хотя бы ради того, чтобы их у тебя найти. А там оказывается нечего искать.

— *Старшие всегда достают молодых, тут нет ничего нового.*

Б.Ф.: Вот уже не один десяток лет мы знаем, что мы имеем дело с формирующимся новым миром. Он требует иного типа межчеловеческих взаимоотношений, без анахроничного верховенства старших. На уровне дискуссий это банальность. Но на практике в обществе мы продолжаем обнаруживать узурпаторов, которые думают, что они в состоянии управлять взаимоотношениями. Они ошибаются. Их власть превращается в явное принуждение и совершенно иллюзорна, ибо жизнь происходит в другом месте.

— *Где?*

Б.Ф.: Например, в польских семьях. Мать не может без конца стрелять из идеологической пушки, чтобы заставить дочь вынести мусор. Поколениям приходится совершать чудеса, чтобы договориться. И ежедневно сотни мелочей работают на изменение обоих поколений. Хуже дело обстоит в сфере ментальности. Тут мы строго следуем прежним иерархиям, напаяли на молодежь форму и заставляем ее становиться по стойке смирно. Но при этом поощряем выпускные балы с обязательным шипанием девочек в красных подвязках.

— *Так что, отказываться от принципов? Тогда молодежь потянет нас в неизвестность.*

Б.Ф.: Да мы уже по уши сидим в ней и неплохо справляемся. Хотя не обходится без конфронтации, даже в вузовской среде. Например, Интернет: есть те, кто выступает за свободный оборот информации, свободное программирование, широкий доступ к интеллектуальным источникам. Но есть и те, кто считает, что это недопустимо. И сопротивляется. СМИ, эксперты и политики тоже упрямо держатся за старый, анахроничный мир.

П.З.: Взаимоотношения поколений не остаются статичными, но и здесь трудно предложить образцы, которым надо следовать. А может, их и нет вовсе? Мы все, пожалуй, просто забываем о собственной молодости или толкуем ее как легенду поколения. Это просто наше бегство от обычного биологического слабоумия.

— *За последние годы я насчитала три дискуссии по проблемам молодежи. Когда ученики надели на голову учителю корзину для мусора, когда Аня из Гданьска совершила самоубийство после того, как не вынесла издевательств своих одноклассников, и когда 14 летняя Агата забеременела. Не маловато ли и не бессмысленно ли?*

Б.Ф.: Ибо настоящий публичный разговор о молодежи вовсе не ведется. Мы не говорим открыто не только об образовании и воспитании, об изменении цивилизации, результаты чего мы все испытываем на себе, но и об отношении к традициям или о проблемах нации. Кто решает, какие проблемы мы будем публично обсуждать? СМИ.

— *Дежурный мальчик для битья.*

Б.Ф.: И правильно, ибо они действуют по схеме: сеять моральную панику, что впервые описано Стэнли Козном в 70-е годы. Сначала журналисты подхватывают сенсационно звучащую информацию. Потом эта информация лавинообразно повторяется, дополняется мнениями экспертов, тревожной статистикой и т.д., лишь бы подольше эта новость оставалась в поле зрения. Наконец появляется попытка справиться с этим явлением: государственные учреждения или органы самоуправления начинают реагировать. Но тогда происходит резкий поворот, СМИ уже ищут следующую «кровавую» информацию.

А тем временем у потребителей неуклонно растет ощущение опасности. Язык, которым пользуются сегодняшние СМИ, говоря о молодежи, к сожалению, схож с так называемым языком ненависти.

П.З.: Еще и потому, что, как бы парадоксально это ни звучало, СМИ исповедуют в отношении молодежи позицию «дети и рыбы безгласны». Слушают только то, что сами хотели бы услышать. Они завладели языком коммуникации и понимают его как средство форматирования мозгов, а не как интегральную часть определенного посыла.

— *Выходит, нам не надо говорить о наркотиках и насилии?*

П.З.: Все зависит от того, каким образом это делается. Мы хотели проверить, кто и как формирует образ молодых варшавян. С помощью компьютерной программы, специально спроектированной для нужд этого исследования Альбертом Хупой, мы просмотрели архивы прессы. Оказалось, что чаще всего о молодежи высказываются сами журналисты и эксперты, а реже всего учителя, родители, ну и сама молодежь.

Б.Ф.: Журналистам случается рисовать образ молодежи прямо-таки героический. По их мнению, молодежь — это «дремлющий великан» или «самое ответственное поколение с интеллигентными взглядами». Что за графомания! Но самые яркие краски используются для описания «плохой» молодежи. Это «преступники, головорезы, малолетние проститутки и девчонки, одевающиеся как шлюхи», они «агрессивны, испорчены, развращены, коварны, строптивы, бунтуют, создают школам одни проблемы». От головорезов до неудачников! По мнению журналистов, для молодежи «не существует никаких ценностей, ее волнуют вопросы анорексии, нежелательной беременности, и она наркотизируется афродизиаками»!

— *Откуда журналисты это знают?*

П.З.: Понятия не имею. Но они подробно информируют, что молодежь либо «праздно шатается по торговым центрам, пьет, курит, совершает дерзкие кражи, пополняет бандитские шайки в трущобах», либо «загнивает в семейных норах» — это о молодежи из техникумов! — и «смотрит полные разврата видеофильмы». В вопросах общественной жизни «спит», ее воображением завладели «образы обнаженных, сексуально вызывающих звездочек».

Б.Ф.: На самом деле лишь 3% молодых варшавян проводит время в торговых центрах. Таблоиды читают лишь 16% школьников и 19% студентов. Мы также знаем, что последние выборы они не проспали.

— *Эксперты, приглашенные комментировать положение, корректируют искаженную картину.*

Б.Ф.: «Непослушные дочери, легкодоступные маленькие шалавы и оторвы. Флиртуют, ищут возможности секса и помешаны на сексе, они пользуются плодами движения за освобождение женщин, их привлекает пенис, и они буквально лезут на колени». Такое мнение, сложившееся у социологов и психологов о девочках, показывает, сколь трагическую окраску приобретает у нас разговор о молодом поколении. А эксперты? Они делят молодых людей на два разряда: тех, «у кого дома есть всё», и тех, кого они называют «патологической молодежью, легко впадающей в зависимость, детьми тех родителей, которые не ходят на родительские собрания». Если ты беден — значит, плохой! Неожиданное следствие трансформации. Если использовать такой язык, можно ли требовать от молодежи уважения к себе? Мы не умеем правильно общаться, поэтому наши миры отдаляются друг от друга. СМИ должны помогать в налаживании диалога, а вместо этого они представляют молодежь враждебно и недостойно.

— *Неужели никто в прессе не защищает молодежь?*

Б.Ф.: Работники органов самоуправления, социальные работники и полицейские не пытаются эпатировать общество, они сосредоточены на решении проблем. Прагматично, как правило без оскорблений и унижения достоинства, высказываются и учителя. Для священников плоха та молодежь, которая не ходит в церковь, но они относятся к ней с сочувствием. Пытаются достучаться до «заблудших» — устроить для них ток-шоу, приобщить к евангельским истинам через телевидение или Интернет.

— *Как можно поддержать молодежь, которая отвергает предлагаемые образцы?*

Б.Ф.: Есть люди (а имя им легион), для которых общение между поколениями невозможно без существования авторитетов. И они пытаются их гальванизировать, как мертвую лягушку током. Зачем? Настоящий авторитет заключается в том, что чьи-то достоинства признаются добровольно. Фальшивый авторитет возникает там, где есть хотя бы тень принуждения. Принцип «ты должен меня уважать, ибо я старше» — это тоже принуждение. Впрочем, всё менее эффективное. Молодежь сегодня нуждается прежде всего в разумных вожаках, например этаких в стиле Баумана интерпретаторах принципов, управляющих взаимоотношениями в обществе. Однако это требует от взрослых желания участвовать в будущем, а не руководствоваться только прошлым. Именно этого и не хватает. Молодым людям необходимо создать для себя свой собственный социум, но они не видят той опоры, на которой можно строить, ибо взрослые втискивают им нормы, в которые сами не верят или их не соблюдают.

— *Взрослым трудно справиться с технологией.*

П.З.: Взрослые видят в молодых лишь киборгов, хакеров, впавших в зависимость от компьютерных игр. А себя взрослые выставляют технологически безграмотными. Поэтому они, по идеологическим причинам, не высказываются о собственном опыте. 73% молодежи заявляют, что ищут в Интернете материалы для учебы и работы. Так же поступают целых 87% опрошенных нами взрослых. Но они считают, что молодежь делает это чаще. Такие переоценки возникали в отношении всех вопросов, связанных с компьютерами. С одним исключением!

— *Каким же?*

П.З.: По мнению взрослых, лишь 18% молодых людей читают прессу в Интернете. Хотя делают это более 30%. Зато, по мнению взрослых, молодежь читает компьютерную или гляцевую прессу. Неправда. Почти каждый второй варшавский студент регулярно читает общественно-политическую прессу, причем чаще всего «Газету выборчу». Они не ожидают от СМИ ничего дополнительного, никаких подарков, только честности и компетенции.

— *Превосходно.*

П.З.: Это зависит от того, с какой стороны посмотреть. У взрослых в голове мифы. Они считают, что молодежь праздно шатается по торговым центрам, а на самом деле туда ходят лишь 3% школьников и студентов. Они думают, например, что молодежь в массовом порядке питается в фаст-фудах, сидит на диете, чтобы похудеть, употребляет энергетические напитки. Например, взрослым кажется, что целых 77% молодых людей питается в «Макдональдах». А это делают лишь 17%. Зато половина молодых варшавян с энтузиазмом занимается спортом. Они ежедневно тренируются, бегают, ездят на велосипедах. Они ожидают, что город им обеспечит бесплатные стадионы, скэйт-парки, а главное — велосипедные дорожки. Взрослые этого не замечают, в их списке потребностей молодежи эти дорожки занимают последнее место. Теперь другой аспект: по их мнению, молодежи докучает анонимность, одиночество и отсутствие признания. На самом же деле главную проблему представляют собой агрессия и алкоголь. Гимназисты сами видят, что пьют слишком много. Своей величайшей проблемой школьники считают наркотики, но только 6% взрослых это замечают — несмотря на массовое обучение на специальных курсах. Если не изменить ресурсы знаний взрослых, поколениям никак не удастся договориться!

— *Можно ли обобщать такие данные? Варшава — исключение.*

П.З.: В 2005 г. мы проводили исследования в Кемпне, Белом Дунайце, Тухоле, а также в других малых и больших городах. Нас невероятно воодушевлял весьма заметный среди молодых людей импульс к модернизации. При этом взрослые были погружены в мир своих сиюминутных интересов и мечтали, чтобы никто им в этом не мешал. Они передавали детям образ жизни, где непременно идет борьба с препятствиями, где есть телевидение по вечерам, чтобы отвлечься от повседневных проблем. Означает ли это, что можно предполагать, будто молодые

люди станут жертвовать жизнью, чтобы «Польша становилась сильнее»? Конечно же, нет! Если какой-то местный сатрап будет им слишком докучать, они просто уедут.

Б.Ф.: Некоторые исследователи утверждают, что великие перемены в современной культуре происходят на обочинах общественной жизни, где-то среди чудаков. Но мейнстрим всегда остается «здоровым», то есть анахроничным. Однако он «болен», ибо молодежь, в том числе и варшавская, определяет новые тенденции цивилизации.

— *Что еще стало для вас неожиданным в ваших исследованиях?*

П.З.: Опять приведем результаты. Мы задавали вопрос: зачем молодежь учиться? В Варшаве 31% студентов и 29% школьников ответили: «Чтобы развиваться на протяжении всей жизни». Много лет подряд по результатам социологических опросов ученье не было ценностью самой по себе, а служило достижению других целей. На сей раз мы получили иной ответ. Сенсация! Но взрослые в такую возможность не верят. Им бы надо создавать равные шансы и ликвидировать барьеры в образовании, а они напоминают профессора Пимку. Девять из десяти взрослых утверждают, что не всем необходимо получать высшее образование. Ограничение доступа к образованию они объясняют отсутствием способностей у молодежи.

— *А молодежь?*

П.З.: Ее отношение к образованию более эгалитарно, и сама она хочет учиться. Об этом заявляют почти 90% школьников.

— *Если возрождается смысл образования, то, видимо, с традиционной культурой не все так плохо.*

П.З.: Подобный вывод — это и есть как раз искореняемая нами «идеология», поэтому не будем спешить. Изучая образ жизни варшавской молодежи, мы обнаружили тот путь, по которому может идти воссоздание модели польского интеллигента. Этот путь ведет сегодня через гимназию, лицей и учебу в государственном вузе. Однако приверженцы интеллигентской этики делают это уже по-своему. Они увлекаются высокой культурой, но не следуют прежним традициям. Они слушают джаз, классическую музыку, музыку кино, но еще их интересует «рок» и «тяжелый рок», которые неожиданно стали удовлетворять интеллигентским вкусам. К так называемой массовой культуре они подходят выборочно, не потребляют все подряд. И уж совершенно точно они не будут повторять образцы прошлого.

Б.Ф.: И жаловаться тут нечего. Ведь кто создавал поп-культуру? Кто ее сформировал? Кто уничтожил телевидение, ввел таблоиды? Молодежь прекрасно от этого защищается. Если при таком темпе перемен она все же ценит профессионализм, перфекционизм и проявляет стремление к знаниям, то, безусловно, ей хочется лучшего мира.

— *Какой это мир?*

Б.Ф.: Я обладаю чем-то таким, чего у молодого человека нет и чего он добьется только тогда, когда достигнет моего уровня. Я знаю, как жить в обществе. Знаю, как управляться с эмоциональной сферой, знаю, что такое любовь, дружба, ненависть и враждебность. Я могу многое предложить, поделиться с молодым человеком опытом. Взамен он научит меня, как пользоваться мобильным телефоном, которого я побаиваюсь. Или — если я учитель — расскажет мне, какую музыку слушают школьники, что она для них значит, почему так важны компьютерные игры. Он поможет расширить сферу моей компетентности. Разве такие взаимоотношения требуют иерархических условностей и жесткой определенности? Нет. Здесь может появиться авторитет — в качестве дополнительного приложения, но не обязательно. Возможно ли правильное функционирование мира, если в нем существуют такие взаимоотношения? Думаю, что весьма и весьма. Старшинством, которое предполагает сегодня привилегии, можно распорядиться иначе. Достаточно не заикливаться на принуждении и авторитаризме, а выбрать обмен ресурсами и сотрудничество.

— *Обмен, то есть что-то в обмен на что-то?*

Б.Ф.: Материалистов и нацеленных на карьеру сукиных детей в этой популяции не больше, чем в любой другой. Обычно взрослые считают, что если молодые люди собираются в анклав, то они эгоисты. Неправда, у них имеются сотни возможностей выхода из своей группы на все стороны. Тогда взрослые пробуют применить другой стереотип: раз участвовали в благотворительном сборе денег вместе с Оркестром большой праздничной помощи и ходили на выборы, значит, они солидарны и вместе будут строить стеклянные дома. А ведь такое поведение означает нечто совершенно иное.

— *Что именно?*

П.З.: Коллективизм и индивидуализм сплетаются здесь в одно целое. Молодые люди проявляют стремление быть общественно полезными в своей среде, но эту свою среду они выстраивают иначе, чем мы привыкли судить. Для них, например, не существует понятия «виртуальный мир». В порталах они встречаются с людьми, столь же реальными, как те, с кем у них происходят встречи в кафе. Благодаря инструментам, сжимающим время и пространство, они могут конструировать близость более совершенным образом, чем поколение родителей. Мы с помощью электронной почты решаем свои неотложные дела, а они благодаря ей умеют с кем-то общаться. Я играю в компьютерную игру с парнем из Германии. Я делюсь с ним своими заботами и могу многим ради него пожертвовать.

— *А ради соседа?*

П.З.: Сосед — он из космоса. Новое соседство не знает границ. Свой мир молодежь возведет на руинах.

— *Чего?*

П.З.: Регионов, городских сообществ, прежнего самоотождествления.

Из этих руин она, возможно, использует парочку кирпичиков, так как черпать знания она будет из разных мест. Может и остервозиться. Но поиск собственных путей не обязательно грозит кризисом и катастрофой. Возможно, что она станет даже «пушистой».

— *Что это означает для премьера Туска?*

Б.Ф.: Мы задавали взрослым вопрос: кто нравится молодежи? И слышали от них высокую оценку политиков. Откуда это взялось? Потому что именно благодаря молодежи произошли политические перемены. Было объявлено (не пропущу — в СМИ), что коль скоро они мобилизовались, то значит настроены либерально и по-граждански. На самом деле это было объединение на короткое время, типа флеш-моба. Провели акцию, изменили неприемлемое для них положение вещей и пошли дальше.

П.З.: Они хотят, чтобы государство оставило их в покое. Оно должно функционировать должным образом и создавать велосипедные дорожки, а не заниматься их одиночеством. Здоровый прагматизм! Пару лет назад говорили, что молодежь поворачивает в сторону консерватизма. Теперь — что она воссоздаст левые партии. Это смешно. Для них идеология не очень-то важна. Политик существует для конкретных вещей. Если он обещает во время предвыборной кампании, что сделает то-то и то-то, тогда они за него проголосуют. А если не выполнит обещанного, то пусть убирается.

— *Где же тут место для партий?*

П.З.: Молодые люди отличаются коллективизмом в своих группах. Умение распознавать эти группы — важное условие для проведения разумной политики. Впрочем, они ею весьма и весьма интересуются, но не принимают в ней участия. К ровесникам, которые в нее вовлекаются, они относятся с презрением. Модель политики XVII века они совершенно не приемлют, возможно, они ее в будущем переформулируют. Пока что мы не знаем даже, сконструируют ли они модели общества без сильных вождей и не превратят ли общество в общность. А когда границы между общностями станут трудно преодолимыми, не начнут ли они борьбу за доминирование. Это может привести даже к фашизму. В данной беседе мы обвиняем взрослых, но у молодежи тоже нет иммунитета к глупости и злу.

— *Можно ли им как-то помочь?*

Б.Ф.: Взрослые проявляют ничтожно мало желания узнавать на самом деле, что там происходит внутри с этой молодежью. Они пренебрегают собственным реальным опытом, не верят, что смогут достучаться до этих киборгов и не пытаются стать их партнерами. Когда мы публично озвучиваем результаты своих исследований, то иногда слышим недоверие, даже возмущение. Но ведь за тем, что происходит с молодежью, надо наблюдать — это поможет нам разобраться в том, каково положение в обществе и со всеми нами. Немцы ежегодно создают солидную фотографию своего молодого поколения, Польша тоже следовало бы этим заняться. Нам нужен добросовестный мониторинг.

— *Что возмущает ваших слушателей?*

Б.Ф.: По сути всё, о чем мы говорили на протяжении всей нашей беседы. Что в этом — отсутствие схемы, нечто новое, возможно, радость? Ведь результаты, по нашему мнению, невероятно оптимистичны. Разве это не здорово, что уже уходит в прошлое мир вертикальных отношений, авторитетных и авторитарных? Можно наконец сбросить с себя горб и радостно открывать новые возможности. Однако часто оказывается, что людям предпочтительнее вернуться в свою тюрьму.

Беседу вела Лидия Осталовская

1: РОССИЯ, ПОЛЬША, СОЧУВСТВИЕ

— *Вы воспитывались в традициях, согласно которым от России не следовало ожидать ничего хорошего.*

— И даже наоборот — следовало ожидать плохого. Вся моя семья пострадала от русских. Принадлежавшее нашей семье имение Великие Кривичи было конфисковано в 1863 году. Оба моих деда принимали участие в восстании и были сосланы в Сибирь. И ссылка эта была бессрочной. Вернулся лишь один из них, через десять с лишним лет, уже старым и больным человеком. Таких воспоминаний и рассказов людей старшего поколения было достаточно много, чтобы мы не доверяли России как государству. Однако у нас дома всегда говорилось, что многие русские — люди добрые и открытые, но только в том случае, если им позволялось такими быть. Всегда подчеркивалась разница между государством и человеком. Я тоже хочу это подчеркнуть. Иногда говорилось, что «русский» — это хороший, порядочный человек.

— *Каким было ваше представление о России до 1939 года? Можно ли сказать, что вы росли с убеждением в культурном превосходстве Польши над Россией?*

— Нет. Конечно, было осознание культурных различий, но категориями превосходства и неполноценности в моей среде не пользовались. Ведь были Лев Толстой, Чехов, Пушкин, Блок, Лермонтов, Есенин, Достоевский. То есть, во-первых, литература, а во-вторых — музыка: Чайковский, Прокофьев, Шостакович. Это была страна, в которой рождались гении. Тогда я знала такую Россию, а не советскую. Впрочем, тогда Россия как государство со своей историей меня не особенно занимала. Я только маркиза де Кюстина читала, и то потому, что в доме была его книга на французском языке.

Я была слишком юной, чтобы интересоваться советской политикой. Однако когда после 1934 г. начались громкие сталинские процессы, я тоже стала за ними следить. Невозможно было понять, почему эти люди, еще не осужденные, всего лишь обвиняемые, брали на себя всю вину. Невозможно было понять, почему они признавали всевозможные обвинения, почему не отрицали их. Почему адвокат выступал в роли чуть ли не обвинителя. Об этом писала вся мировая пресса. Я читала дома французские газеты и знала, что весь мир был потрясен этими процессами. Напрашивался вопрос: что с этими людьми сделали? пытки применялись или еще что-то? Ответ я узнала гораздо позже, в лагерях.

— *Запомнилось ли вам, как воспринималась польско-советская война 1920 года?*

— Как большой успех, большая победа маршала Пилсудского.

— *Были ли вы знакомы с кем-то из русских до войны?*

— Только с несколькими эмигрантами, которые поддерживали отношения с виленским обществом. Это были белые русские, настроенные куда более антисоветски, чем поляки.

— *Когда вы впервые непосредственно соприкоснулись с советской Россией?*

— Когда танки въезжали в Вильно. Я видела солдат, которые стояли на машинах, они что-то говорили, агитировали на каждом углу. Одеты они были в рваные шинели, часто подпоясанные веревкой, многие были без сапог — скорее в лаптях, — если только не обзавелись уже «трофейной» обувью. Плачевно выглядели эти красноармейцы. Было такое впечатление, что это не армия, а какой-то странный сброд. Это были вроде бы русские, но в нашем представлении — советские. Однако поначалу никаких контактов у меня с ними не было. Мы с ними не разговаривали.

— *В книге «После освобождения», воспоминаниях о 1944-1956 гг., проведенных в ГУЛАГе, вы пишете о презрении, с которым польки относились к русским. Это было «ощущение больших культурных различий»,*

ощущение превосходства перед лицом «проявлений варварства». Вы также пишете, что поляки ощущали себя представителями «свободы, культуры и высших европейских идеалов».

— Так оно и было, хотя, возможно, «презрение» слишком сильно сказано. В лагере с поляками встретились простые русские люди. Наши партизаны тоже чаще всего были деревенскими жителями. И дело здесь было вовсе не в том, что с одной стороны оказалась польская интеллигенция, а с другой — простые русские люди. Но даже эти простые поляки производили впечатление людей, которые обладали более высокой культурой. Почему? В книге я задаюсь вопросом, не случилось ли это потому, что сама встреча именно в таких условиях, а не при иных обстоятельствах, именно в условиях несвободы, побуждала поляков выбрать для себя столь гордую позицию, вроде как деревенский парень стал неожиданно шляхтичем. До войны он мог состоять в социалистической партии, бороться с социальным неравенством, но в лагере просто менялся перед лицом врага. Он стремился сохранить свое лицо, не сдаваться. Русские, исходя из старой традиции, кстати, также и литературной, считали поляков «панами». Так они к нам относились: вы ведь паны. Это звучало как обвинение, но с некоторой примесью смирения.

— В ваших воспоминаниях многократно звучит мысль о конфликте между европейской культурой и азиатским варварством. Вы пишете о тех случаях, когда семьи арестованных прекращали с ними любые контакты, и добавляете: «Для нас, европейцев, это было выше всякого понимания, это было нечто, противоречившее фундаментальным ценностям высшего порядка».

— Вопрос здесь был не в каком-то специфическом национальном характере русских, скорее речь шла о поведении, оказавшемся следствием системы, которая господствовала в СССР. Это свидетельствовало о советском терроре. Ведь не раз достаточно было одной неподходящей фразы, произнесенной вслух, чтобы оказаться в тюрьме. Там царил страх, люди боялись, не хотели рисковать потерей работы, жизни, свободы — в частности и ради своих дочерей или сыновей. Это, разумеется, противоречило той этической системе, которую знаем мы, но и преследований таких мы не знали.

— Однако вы пишете о разрыве в русских семьях любых контактов и при этом сообщаете, что всего один или два раза встретились с подобным «в украинских семьях, происходивших откуда-то из-под Харькова». Получается, что кроме этих исключительных случаев, даже украинцы, всегда жившие на территориях, где господствовали русские, вели себя иначе.

— Нельзя обобщать какие бы то ни было черты. Украинцы испытывали давление террора на протяжении более короткого периода. И, возможно, здесь также сказался казацкий менталитет. Свое чувство независимости казаки не раз проявляли весьма опасным образом, но в подобных ситуациях оказывалось, что украинцы отличались от русских. Это были разные позиции, разные навыки мышления.

— Верите ли вы в существование русской души?

— Нет. Разве существует украинская или польская душа? Есть определенные формы поведения, которые, налагаясь друг на друга, создают традиции, образцы. Это находит отражение в поведении, вот и все.

— «Среди бандиток больше всего русских» — это опять цитата из вашей книги.

— Так оно и было. Это были несчастные девушки, воспитывавшиеся в детдомах, родом из семей, в которых всех посадили. Им не на что было жить, и они становились проститутками. Для них это был единственный способ выжить. Но опять же это была вина системы, а не национальности. Это был такой государственный строй, который уничтожал людей, независимо от их происхождения.

— «Ибо обычно украинцы с востока были людьми с совершенно иным менталитетом, чем наши украинцы из-под Станислава или Львова. Я не думаю, что они с меньшей силой ненавидели поляков, но они наверняка отличались гораздо б&